

Все это свидетельствует о том, что роль национальной культуры для экономики останется в числе ключевых. В свою очередь, возникающее на этой основе многообразие национальных хозяйственных систем должно оцениваться как необходимое условие реализации потенциала развития мировой экономики.

Севостьянова Надежда Григорьевна

кандидат философских наук, доцент, доцент Минского государственного лингвистического университета

Христианское понимание смысла жизни в русской религиозной философии

«Смысл жизни — в ее утвержденности в вечном» [6, 205]. Это высказывание русского христианского мыслителя Семена Людвиговича Франка (1877 — 1950) представляет собой наиболее значимый ответ на вопрос о духовной сути смысла жизни человека, который в условиях эмпирического бытия прикасается к вечности через веру, любовь, знание, солидарность, справедливость, служение. Учение С. Л. Франка о непостижимом сложилось в условиях вынужденной эмиграции из советской России и находится в прямой взаимосвязи с учениями многих христианских мыслителей русского зарубежья, последователей философской школы «метафизика всеединства», основанной В. С. Соловьевым.

В программной метафизике всеединства и в «нравственной философии» В. С. Соловьева тема смысла жизни является предметом специального исследования и рассматривается в зависимости от тем совершенного добра, триединой любви и совершенствования. «Наша жизнь получает нравственный смысл и достоинство, когда между нею и совершенным добром устанавливается связь» [5, 543], — отмечает мыслитель. «Смысл жизни заключается в ее добре». Этот «добрый смысл жизни» человека представляют также «твердыни и устои жизни» — семья, отечество, Церковь.

В философской христианской апологетике Е. Н. Трубецкого проводится идея антиномизма сущего и констатируется принципиальная невозможность достижения истинно-сущего из действительности сущего становящегося. Поэтому смысл жизни усматривается философом не в вертикальном и не в горизонтальном направлениях, отдельно взятых, а в их пересечении, в кресте, в совестливом и свободном самоопределении и стремлении к неосуществимой идеальной полноте жизни в свете реальности Боговоплощения. В философии триединства Л. П. Карсавина устанавливается относительное всеединство тварного бытия и констатируется возможность обретения человеком смысла жизни в ходе освобождения от грехов и стремления к духовной любви. Конкретная метафизика П. А. Флоренского с ее центральной идеей единосущия Бога и мира дедуцирует человека из высших определений его существа и в рамках теoантропoдицеи. В православном универсализме С. Н. Булгакова рассматривается смысложизненная мистика спасения

и показывается невозможность спасения души человека от греховного раздвоения на добро и зло, ибо «истинное бытие принадлежит в человеке только Христову началу» [2, 300].

В православной апологетике И. А. Ильина, смысл жизни усматривается в ее гармонии, в согласовании инстинкта и духа, веры и знания. «Смысл жизни в том, чтобы любить, творить, молиться», — отмечает философ, формулируя ряд аксиом религиозного опыта. Смысл жизни предполагает и смысл смерти, смысл бессмертия. «Жить стоит только тем и верить стоит в то, за что стоит бороться и умереть; ибо смерть есть истинный и высший критерий для всех жизненных содержаний» [3, 142]. Б. П. Вышеславцев в модернизированном христианстве определяет смысло-жизненную задачу человека как необходимость восстановления в нем образа и подобия Бога.

Н. А. Бердяев в персоналистской экзистенциальной философии свободы утверждает, что комплекс вопросов о смысле смерти и смысле бессмертия, смысле ада и рая, смысле жизни — это прерогатива потусторонней эсхатологической этики. Философ отмечает, что сама жизнь наполнена смертью, и каждый человек имеет опыт смерти внутри жизни. Поэтому в смерти есть определенное очищение и надежда, отношение к миру как преходящему, сочувствие и жалость к нему. По мысли Н. А. Бердяева, человек как духовное существо бессмертен, поскольку и христианство учит о победе над смертью, т.е. о воскресении Христа. «Нравственный парадокс жизни и смерти выразим в этическом императиве относись к живым, как к умирающим, к умершим относись, как к живым, т.е. помни всегда о смерти как о тайне жизни, и в жизни и в смерти утверждай всегда вечную жизнь» [1, 220]. Л. И. Шестов в иррационалистическом персонализме раскрывает абсурд нравственной жизни человека, делает выводы о бессмысленности теодицеи (богооправдания) и о спасении единой верой. Н. О. Лосский, системно развивая основоположения иерархического персонализма в их связи с теорией ценностей, называет смыслом жизни ответственный путь человека как субстанциального деятеля к абсолютным ценностям Царствия Божия [4].

С. Л. Франк в труде «Смысл жизни» (1925) показывает, что жизнь как сверхэмпирическое целое, как время и вечность, наделена духовным смыслом. который связан с верой, любовью, светом знания, правдой, добром, благоговением, молитвой, служением. Бессмысленное эмпирическое бытие и время подобны «обрывку страницы» из книги жизни. «Жизнь делами не переделаешь», важна другая иерархия цели и ценности, необходима внутренняя духовная работа, открывающая «свет во тьме».

Рассматривая исконно русский вопрос о смысле жизни, мыслитель подчеркивает, что в традиции есть на него два ответа: либо улучшать жизнь народа, либо нравственно совершенствоваться (толстовство). Оба ответа не достаточны, поскольку «смысл человеческой жизни должен быть чем-то, на что человек опирается... Искать недостающего смысла жизни в каком-либо деле, значит топить сознание в суете по существу столь же бессмысленных забот и хлопот» [6, 161]. «

Раскрывая условия возможности смысла жизни, С. Л. Франк отмечает: «Для того, чтобы жизнь имела смысл, необходимы два условия: существование Бога и наша собственная причастность Ему... Необходимо, чтобы высшей и абсолютной основой (жизни) был не слепой случай, не хаотический поток времени, не тьма неведения, а Бог, как вечная твердыня, вечная жизнь, абсолютное благо и всеобъемлющий свет разума. И необходимо, во-вторых, чтобы мы сами, несмотря на все наше бессилие, на слепоту и губительность наших страстей, на случайность и краткосрочность нашей жизни, были не только “творениями” Бога, но и свободными участниками самой божественной жизни [6, 169]. «Аз есмь путь, истина и жизнь». Христианский мыслитель полагает, «искание Бога есть уже действие Бога в человеческой душе» [6, 185].

Христианское и светское понимания смысла жизни имеют конфликт интерпретаций. Во-первых, в границах светской философии требуется первичное признание того факта, что смысл жизни человека есть, существует; а также признание необходимости его поиска. В сфере религиозной философии, напротив, смысл жизни очевиден и не столько дан или задан, сколько естественно обретается на пути к непостижимому. Во-вторых, поиск смысла жизни в светской философии связан с реалиями самой жизни, а в религиозной философии жизнь как целое наделяется сверхэмпирическим смыслом, находящимся как за пределами жизни, так и в ее пределах. Без веры в бессмертие души, без трансцендентного вопроса о смысле жизни все стремления человека усечены рамками конкретной жизни. В-третьих, в светской философии смысложизненный поиск предполагает нравственную зрелость личности и ее стремление к самовыражению и самоутверждению. И напротив, в религиозной философии проводятся идея об изначальной греховности человека и установка на противостояние искушениям в ходе смысложизненного поиска.

В результате христианское понимание смысла жизни убеждает: «Чтобы существенно изменить нашу жизнь и исправить ее, мы должны усовершенствовать ее сразу, как целое; а во времени она дана лишь по частям, и, живя во времени, мы живем лишь в малом, преходящем ее отрывке. Работа же над жизнью, как целым, есть работа именно духовная, деятельность соприкосновения с вечным... Смысл жизни — в ее утвержденности в вечном, он осуществляется, когда в нас и вокруг нас проступает вечное начало. Лишь поскольку наша жизнь и наш труд соприкасается с вечным, живет в нем, проникается им, мы можем рассчитывать вообще на достижение смысла жизни» [6, 205].

1. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев; вступ. ст. П. П. Гайденко. — М.: Республика, 1993. — 383 с.
2. Булгаков, С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. — М.: Республика, 1994. — 415 с.
3. Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. — М.: Республика, 1993. — 431 с.

4. Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики / Н. О. Лосский. — М.: Политиздат, 1991. — 368 с.
5. Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев // Соч.: в 2 т. / В. С. Соловьев; вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. — М.: Мысль, 1990. — Т. 1. — С. 47–580.
6. Франк, С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк // Духовные основы общества / С. Л. Франк. — М.: Республика, 1992. — С. 147–216.

Сердюк Павел

протоиерей, глава Синодальной комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства Белорусской Православной Церкви, настоятель прихода храма Свят. Николая архиеп. Японского (г. Минск)

Пастырское окормление в ситуации репродуктивного выбора

Окормление духовное является особой формой пастырского служения, заключающееся в духовном наставничестве со смирением и молитве, так и в содействующем ему действию благодати Божией, способствующей спасению пасомых.

Ситуация репродуктивного выбора — жизненная ситуация, когда женщина, супружеская пара или семья выбирает рождение или не рождение для своего ребенка. Этот выбор осуществляется не только в ситуации принятия решения об аборте, но и в ситуации использования новых репродуктивных технологий, связанных с риском потери эмбрионов.

Помощь священника в таком выборе может понадобиться как воцерковленным христианам, так и людям, находящимся на пути к храму. Ситуация бесплодия или пренатальных и постнатальных потерь часто ставит перед людьми смысло-жизненные вопросы, с которыми они приходят в церковь. Также, часто женщины и члены их семьи переживают свое горе в одиночку, так как в обществе не принято обсуждать и оказывать психологическую поддержку в ситуации аборта и репродуктивных потерь. Единственное место, куда они могут прийти с этой бедой — в храм.

В случае предабортного консультирования существует несколько ситуаций:

— выбор женщиной/семьей аборта вследствие тяжелой жизненной ситуации (развод, бедность, сложные отношения с отцом ребенка, социально-опасная ситуация, стремление скрыть сексуальные отношения — добрачные или внебрачные, алкогольная, игровая или наркозависимость отца ребенка, усталость от материнства, приоритет других жизненных ценностей, жесткие репродуктивные установки);

— ситуация внематочной беременности, в которой желанный ребенок погибает вследствие невозможности пролонгирования беременности на уровне современного развития акушерства-гинекологии;

— ситуация медицинских показателей к прерыванию беременности, когда желанный ребенок оказывается нежизнеспособен/инвалидизирован